

Серьезно, черт возьми!

Ай Хуэй внутренне взревел от гнева, как несколько диких зверей.

Он редко выходил из себя, но сейчас хотел поближе познакомиться какой-нибудь кирпич с лицом Дуаньму.

Он контролировал свои побуждения, но едва сдерживал себя.

Он сказал себе, что если Дуаньму получит травмы, то это еще сильнее затянет «одолжения». Если бы он мог убить его, то уже бы сделал это. Если он не может убить его, тогда нет смысла его избивать. Следовательно, он сдержался.

В диких землях, говоря кому-то: «Ты спас меня, я должен тебе» приводило только к надвигающейся смерти. Никто не знал, доживет ли до завтра. Говоря «я должен тебе», не только никого не спасешь, но и еще сильнее подвергнешь свою жизнь риску. В такой обстановке это «долги» были бесполезны.

Пытаешься пожать больше, чем посеешь?

Какая неблагодарность!

У Ай Хуэя впечатление о Дуаньму Хваньхуне уже было ниже плинтуса. Не моргнув глазом, он продолжил: «Долг может стоять 50 000 000 юаней?»

«Конечно!» Дуаньму Хваньхунь сказал с гордостью, сияющей на его лице: «Как можно сравнить мою милость с пятьюдесятью миллионами?»

Действительно, у него есть основания говорить такое. Будучи наследником семьи Дуаньму и учеником Дай Ганя, нельзя преувеличить сказав, что его долг стоит 50 000 000.

Ай Хуэй сдержал себя от убийства, но его терпение было тонким. «Хорошо, мне больше ничего не нужно, только два «долга». В сочетании, это составляет сто миллионов юаней».

Теперь Дуаньму Хваньхунь потерял дар речи. Как он это посчитал? Разве он не осознает всю полезность того, что Дуаньму ему должен? Разве он не хотел бы быть частью Тринадцати дивизий в будущем?

Пятьдесят миллионов юаней? Его что, оскорбили? Как его долг может стоять столько?

Как бы он ни был глуп, разве он не должен думать, прежде чем говорить?

Дуаньму Хваньхунь считал это своеобразным проявлением отвращения к нему. Этот парень подлый. Уже было отвратительно, что Ай Хуэй требовал за доброе дело деньги.

Неожиданная ярость поднялась изнутри Дуаньму Хваньхуня. Ему казалось, что его дар кинули собакам без задней мысли.

Лицо Дуаньму Хваньхуня побледнело, его взгляд практически сгорел.

Но вместо этого, Ай Хуэй только рассмеялся. «Хватит дурачиться. У тебя есть сто миллионов юаней?»

Глядя на него, гнев Дуаньму Хваньхуня усилился. Он почти выпалил «да», но в последний момент ему пришла в голову мысль.

С юности он жил роскошной жизнью, его деньги не заканчивались. Его семья вложила значительные средства в его ежедневные потребности, такие как питание, жилье и обучение. Что бы он ни требовал, его семья покупала это, не задумываясь.

Однако с точки зрения наличных денег у него на руках их было немного, и ни одна семья не была бы готова предоставить ему такую огромную сумму, как сто миллионов в качестве пособия.

Даже если бы он этого захотел, он не знал, как подойти к такой теме.

Одолжить у друга? Он отрицательно покачал головой. Если бы у него не было таких денег, то и у друзей тоже. Кроме того, он знал их хорошо. В отличие от него, который одержим обучением, они прожигают свою жизнь на удовольствия. Он предпочел бы полагаться на себя, чтобы найти сто миллионов юаней.

Увидев изменение в выражении Дуаньму Хваньхуня, Ай Хуэй почувствовал презрение. Он продолжал: «У тебя их нет, правда? Ты вечно такой гордый, но это пустой треп. Мое суждение о тебе было правильным. Все в порядке, я просто сделаю вид что спас собаку».

В сознании Ай Хуэя Дуаньму Хваньхуня был лицемером.

Ай Хуэй не хотел обращать на него внимания. Он был человеком, который четко различал любовь и ненависть. Если он чувствовал, что Дуаньму Хваньхуня не может дать ему столько, дальнейшие разговоры – пустая трата времени. А время – деньги.

Дуаньму перекрашивался то в красный то в зеленый. Он злобно прикусил губы.

Оскорбительно, оскорбительно! С юности он никогда не чувствовал себя настолько оскорбленным. Тем не менее, он не мог произнести ни слова. Если бы Ай Хуэй хотел реликвии или драгоценности, это можно было бы достать. Но Ай Хуэй хотел получить наличные деньги, его ахиллесову пяту.

Какое унижение. Оскорбление было неопишимо. Его фарфоровая кожа покраснела, как будто она горела.

Он сжал кулаки, пока его кости не побелели.

Хорошо, он был слишком оптимистичен. Как мог скромный парень, как Ай Хуэй, быть достойным его благосклонности?

Просто сто миллионов юаней? Просто жди!

«Для такого бесполезного человека, как ты, - подумал он, - заработать деньги - это трудная вещь. Но довольно скоро ты поймешь, что заработать сто миллионов - это ничтожное дело для такого гения, как я!»

Дуаньму Хваньхуня поклялся себе, что заработает больше денег в ближайшие дни. Он заработает сто миллионов юаней - Нет! Сто миллионов юаней все еще недостаточно.

Двести миллионов! Нет, пятьсот миллионов!

Он собирался принести пятьсот миллионов наличными и бросить его в лицо этого парня.

Его разум вызвал образ Ай Хуэя, стоящего на коленях, как собака рядом с горой наличных.

Внезапно на его лицо залилось румянцем. Он почувствовал, как его тело вспыхнуло энергией. Верно! То, что надо!

«Ха-ха-ха-ха ...».

Дуаньму Хваньхунь завыл от смеха.

Когда Ай Хуэй вошел в тренировочный зал, он заметил Лоуланя. Темные облака в его сердце мгновенно очистились. К черту лицемера. У него был Лоулань, хороший голем.

В этот момент из-за входа в переулок разразился вопль маниакального смеха.

Лоулань наклонил голову и прислушался. Желтый свет вспыхнул в его глазах, и через мгновение он сказал: «Ай Хуэй, смех этого человека не очень здоров, он звучит пусто и лишен жизненной энергии. Кажется, что нездоровая внутренняя жара атакует его сердце. Он может упасть в обморок. Смех кажется знакомым. Где Лоулань его слышал?»

Дуаньму Хваньхунь, который стоял у устья переулочка, застыл перед тем, как упасть лицом вниз.

Ай Хуэй фыркнул и сказал: «Кого это волнует? Лучше будет если он просто упадет и мне не придется марать о него руки ...»

До того, как он сказал последнее предложение след Лоуланя простыл.

Куда он делся?

Ай Хуэй огляделся, увидел, что Лоулань стоял у входа с Дуаньму Хваньхунем, перекинутым через его спину.

«Ай Хуэй, это ученик Баньвань.» Радостно сказал Лу Лан.

Ай Хуэй был на грани того, чтобы сказать: «Это мусор, скорми его собакам».

Но, увидев Лоуланя, он не мог заставить себя сказать такие слова. Он вздохнул и подумал: «Мой Лоулань хорошо во всем, он слишком полезен».

Ай Хуэй не хотел менять эту черту Лоуланя. Фактически, он был в восторге от этой особенности. Для него это главное отличие Лоуланя от других големов которые слушались только хозяев.

Лоулань был другим, наполнен любопытством и горячей страстью к этому миру.

Лоулань должен оставаться таким, каким он был, но опущенные глаза Ай Хуэя были такими темными, как ночное небо.

Но зачем это нужно? Глядя на бессознательное тело Дуаньму, Ай Хуэй не знал, что он чувствовал.